

Н. Ф. Матвейчук

Очерк М. Горького «М. М. Коцюбинский»

1

Произведения Горького автобиографического жанра включают в себя и очерки — воспоминания писателя о встречах с выдающимися историческими личностями — литераторами, деятелями искусств, революционерами, общественными деятелями. Они написаны от первого лица, но от собственно автобиографических произведений они отличаются тем, что здесь личность рассказчика отодвинута на второй план, а главным объектом изображения является лицо, названное в заголовке. Однако общей остается художественная проблематика: трактовка образа положительного героя современности.

Горьковеды согласились называть произведения указанного типа «литературными портретами», выделив их в особый жанр художественного творчества Горького. Они представляют собой не какое-то добавление к основным его художественным произведениям, а заслуживают внимания исследователей как важный и довольно обширный участок творчества Горького: с 1904 г., когда им написан первый вариант литературного портрета А. П. Чехова, и до 1935 г., когда написан очерк о великом русском физиологе И. П. Павлове, писатель создал двадцать шесть таких произведений.

Известный горьковед Е. Б. Тагер в монографии «Творчество Горького советской эпохи» (М., 1964), анализируя литературные портреты Горького, созданные после Октябрьской революции, уделил значительное внимание определению самого термина «литературный портрет» как названия литературного жанра. Сопоставляя портретные изображения у Пушкина и Горького, исследователь видит их своеобразие не в особенностях изображаемых характеров, запечатленных в портретных приметах, а в особенностях художественного «зрения» писателя.

В литературном портрете изображение конкретного исторического лица превращается в образ: здесь действуют законы типизации, художественного отбора, обобщения и сгущения. Особая сложность создания литературного портрета заключается в том, что в сковывающих рамках достоверного мемуарно-исторического повествования необходимо дать широкое и убедительное обобщение. Отвечая на анкету «Издательства писателей в Ленинграде» (1930), Горький на вопрос — «Каким материалом преимущественно пользуетесь?» — написал: «Пользовался преимущественно материалом автобиографическим... Каждый изображаемый человек подобен руде — он формируется и дефор-

мируется при определенной идеологической температуре. «Холодной обработкой» с человеком ничего не сделаешь, только испортишь его, поэтому писатель должен немножко любить свой материал — живого человека — или хотя бы любоваться им как материалом»¹.

Так именно создавал Горький литературные портреты. В подходе к материалу действительности он един и в качестве историка-бытописателя, и в качестве художника. В реальной действительности он открывал такие черты, которые восходят к широким типическим обобщениям, к образу, воплощающему передовые идеи современности.

2

Наиболее яркими литературными портретами Горького, которые он постоянно включал в прижизненные издания своих сочинений, являются «В. И. Ленин», «Лев Толстой», «А. П. Чехов», «М. М. Коцюбинский», «Н. Е. Каронин-Петропавловский», «В. Г. Короленко» и «Время Короленко». Они неоднократно брались темой исследователей работ литературоведов в историко-литературном плане. Значительно меньше уделено внимания литературным портретам Горького в определении их художественной структуры. Лишь недавно, в упомянутой книге Б. Тагера, освещены и художественные особенности литературных портретов Горького, созданных в советские годы, особенно «В. И. Ленин», «Лев Толстой»². Что же касается произведения «М. М. Коцюбинский», то много раз им пользовались исследователи темы «Горький и Коцюбинский», или «Горький и национальные литературы», но лишь в разрезе трактовки историко-литературных фактов этого произведения. В обобщающей монографии В. Гречнева очерк этот почему-то обйдет, даже не упоминается³. Поэтому в плане раскрытия художественного мастерства Горького в жанре литературного портрета мы остановимся именно на произведении «М. М. Коцюбинский», созданном в мае 1913 г., вскоре после смерти украинского писателя.

Историки литературы единогласно признают, что творчество Коцюбинского достигло наивысшего взлета именно в последние годы его недолгой жизни, когда им была создана вторая часть повести «*Fata morgana*», повесть «*Тіні забутих предків*» и много новелл, среди которых такие шедевры, как «Сміх», «Невідомий», «*Intermezzo*», «В дорозі», «Подарунок на іменини», «Коні не винні», «Сон». Все это — произведения, занявшие достойное место в сокровищнице мировой литературы.

Большинство этих произведений создано писателем в период личного общения с Горьким. «Отношения эти с первых же дней знакомства сложились как очень дружеские и тесные. Мы читали друг другу черновики наших работ и оба очень искренно говорили друг другу, что каждый думает о работе другого. Если говорить о «влиянии», оно, вероятно, было взаимным», — писал впоследствии Горький в письме к украинскому поэту И. Ю. Кулику⁴.

Коцюбинский стал нужен Горькому, даже необходим ему. Именно так следует понимать его слова: «Для меня смерть Михаила Коцюбинского определилась как тяжелая личная утрата, я потерял сердечного товарища» (14, 108). Так следует понимать и начальные фразы его

¹ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, ГИХЛ, М., 1949—1955; т. 26 стр. 223. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте; первая цифра указывает том, последующие — страницы

² Е. Б. Тагер. Творчество Горького советской эпохи, М., 1964.

³ В. Я. Гречнев. Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького (Воспоминания о писателях), «Наука», М.,—Л., 1964.

⁴ Сб. «О. М. Горький і М. М. Коцюбинський», К., 1937, стр. 44.

воспоминаний о Коцюбинском. «С первой встречи он возбуждает жажду видеть его возможно чаще, говорить с ним больше» (14, 102).

Архитектоника литературного портрета «М. М. Коцюбинский» в основном та же, что и остальных двадцати пяти созданных Горьким портретов. Произведение состоит из ряда картин — эпизодов из жизни писателя, объединенных в конце произведения в синтез — вывод широкого социального звучания. Среди литературных портретов Горького этот портрет ближе всего стоит к произведению «А. П. Чехов».

Своеобразной «завязкой» сюжета является вступительная фраза: «Он был одним из тех редких людей, которые при первой же встрече с ними вызывают благодное чувство удовлетворения: именно этого человека ты давно ждал, именно для него у тебя есть какие-то особенные мысли!» (14, 102).

Интригующее наполнение зачина — налицо: почему же с такой радостью встречаешь этого человека?

Со следующей фразы раскрывается тема в первом аспекте: Коцюбинский — страстный поборник добра, красоты и человечности. «В мире идей красоты и добра он — «свой» человек, родной человек... Обо всем подумавший, он как-то особенно близок хорошему, и в нем кипит органическая брезгливость к дурному. У него тонко развита эстетическая чуткость к доброму, он любит добро любовью художника, верит в его победную силу, и в нем живет чувство гражданина, которому глубоко и всесторонне понятно культурное значение, историческая стоимость добра» (14, 102).

Развивая эту мысль, Горький дальше рисует две яркие картины, — эпизоды из жизни Коцюбинского на Капри. После волнующего изображения сострадания фокстерьера к умирающей овчарке читаем: «Это — удивительно! — волнуясь, сказал Коцюбинский. — И я ничем не могу себе объяснить такой силы чувства у собаки, как тем, что люди создали уже вокруг себя нестразимую и внушительную атмосферу человечности, способную перевоспитать даже животное, привив ему нечто от души человека» (14, 104).

Вторая картина — это отношение Коцюбинского к рассказанной Горьким легенде об угольщике калабрийце Чиро, простодушно решившем отдать свою жизнь, жизнь брата и зятя за жизнь благородного революционера Руджиеро Сеттимо. «Легенда понравилась Михаилу Михайловичу; радостно поблескивая ласковыми глазами, он сказал:

— Демократия всегда романтична, и это хорошо, знаете! Ведь романтизм наиболее человеческое настроение; мне думается, что его культурный смысл недостаточно понят. Он — преувеличивает, ну да! Но — ведь он преувеличивает добрые начала, свидетельствуя этим, как велика жажда добра в людях» (14, 103).

Мы не можем установить, насколько точно воспроизвел здесь Горький слова Коцюбинского; но что это мысли и убеждения самого Горького — это подтверждается художественным и публицистическим его творчеством. Так, например, в рассказе «Женщина» из цикла «По Руси», написанном в 1912 г. — в дни особенно тесного общения с украинским «солнцепоклонником» — читаем: «...неволью я создаю какую-то сложную историю человеческой жизни, раскрашивая эту жизнь красками своих желаний и надежд. Я знаю, что это ложь, и знаю — худо будет мне со временем за нее, но — грустно видеть действительность столь уродливой» (11, 128).

В эстетических высказываниях того времени — в статьях «О современности», «Издалека», в своих письмах писателям Горький подчеркивал право художника романтически возвысить дерзновенное стремление человека осуществить вековечную мечту о преодолении враждебного ему мира. Новые достоинства, выработанные человеком

в себе самом очень медленно, с великими страданиями, писатель призывает «иногда — прикрасить, преувеличить, чтобы тем поднять их значение, расцветить красоту ростков добра, которые — будем верить! — со временем разрастутся пышно и ярко»⁵.

По словам Горького, Коцюбинский предлагал вести «Летопись проявлений человеческого», то есть записывать все, что сотворено за год человеком в его заботе о счастье всех людей, для воспитания в людях высоких идей и устремлений. Этот эпизод приведен в очерке первым, после слов о том, что у Коцюбинского была тонко развита эстетическая чуткость к хорошему и вера в победную силу добра. Горький связывает эту особенность мировоззрения украинского писателя с его романтизмом как «наиболее человеческим настроением».

Эта черта в характере Коцюбинского импозировала Горькому; мысли, вложенные им в уста украинского друга, весьма напоминают его предисловие к «Сказкам об Италии», — о необходимости поднимать и расцветивать красоту ростков добра в людях.

Эти мысли Горького отразились во многих его художественных произведениях; кроме упомянутых «Сказок об Италии», — в романе «Жизнь Матвея Кожемякина», многих новеллах цикла «По Руси», в повести «Хозяин». Конечно, в каждом воплощении их в художественный образ они выступают по-разному, как различны и образы.

3

Логически развивая тему человечности, воплощенную в красоте народных деяний, Горький раскрывает далее сущность патриотизма Коцюбинского, его любовь к родине. Тема эта была особенно актуальной в период реакции. Горький разрешает ее в портрете Коцюбинского с исчерпывающей ясностью. После первой взволнованной реплики Коцюбинского читаем: «Человечность, красота, народ, Украина — это любимые темы бесед Коцюбинского, они были с ним, как его сердце, мозг и славные, ласковые глаза..»

Он особенно нежно любил Украину и часто слышал запах чебреца там, где его не было.

А однажды, увидев у белой стены рыбацкого дома бледнорозовые мальвы, — весь осветился улыбкой и, сняв шляпу, сказал цветам:

— Здоровенькі були! Як живеться на чужині?

Сконфузился и пошутил:

— Знаете — немножко сантиментальным становлюсь! Но ведь и вам, думаю, нередко вздыхается по белой березе, которой вас секли, бывало? Э, все люди-люди, а кто не человек — да будет ему стыдно!

...Его украинское червоное сердце всегда было на родине, — ее скорбями он жил, ее муками мучился» (14, 104—105).

Через несколько абзацев Горький опять возвращается к теме любви Коцюбинского к родине. «Бывало видишь: идет он тихо, немножко согнувшись, обнажив сияющую голову, с тем вдумчивым лицом, как на портрете Жука, — видишь и догадываешься: думает о своей Черниговщине.

Так и есть: пришел в свою белую комнату, сел утомленно в кресло и говорит:

— Знаете, там, по пути к Арса Naturale, стоит хата совсем такая, как у нас! И люди в ней — наши: дидусь, такой ветхий и мудрый, сидит на пороге с трубкой и баба такая же, да еще и дивчина с карими очами — полная иллюзия. Только вот горы, камень, море! А, то — все — и солнце — как у нас!

⁵ «Архив А. М. Горького», т. III, М., 1951, стр. 223.

И начинал тихонько говорить о судьбах родины, о будущем ее, о ее людях, любимых им крепко, о литературе, о благотворной работе загубленной ныне «Просвіти». Слушаешь его и видишь человека, который именно обо всем подумал и то, что знает, знает хорошо» (14, 105).

Однако во всех этих зарисовках любовь писателя к своему народу обрисована лишь в общих чертах: она наполняла все его чувства, сопровождала каждый его шаг. Но дальше, развивая эту черту характера Коцюбинского, Горький выясняет, — что именно любит писатель в своем народе? Он цитирует его письмо из села Кривэривни в Карпатах от 16 июля 1911 г.⁶: «Все время провожу в экскурсиях по горам, верхом на гуцульском коне, легком и грациозном, как балерина. Побывал в диких местах, доступных немногим, на «полонинах», где гуцулы-номады проводят со своими стадами все лето. Если бы вы знали, как величественна здесь природа, какая первобытная жизнь! Гуцулы — оригинальнейший народ, с богатой фантазией, со своеобразной психикой. Глубокий язычник, гуцул всю свою жизнь, до смерти, проводит в борьбе со злыми духами, населяющими леса, горы и воды. Христианством он воспользовался только для того, чтобы украсить языческий культ. Сколько здесь красивых сказок, преданий, поверий, символов. Собираю материал, переживаю природу, смотрю, слушаю и учусь» (14, 105).

Видно, сообщение о мировоззрении и поэтическом мироощущении гуцулов особенно взволновало Горького: такой большой цитатой он воспользовался единственный раз. Горький точно цитирует письмо Коцюбинского, лишь после слов «какая первобытная жизнь» добавил от себя восклицательный знак, эмоционально подчеркнув сказанное.

Что же привлекло в этом письме такое внимание Горького?

Известно, что в первые годы пребывания на Капри Горький усиленно занимался изучением фольклора и фольклористики параллельно с углубленным изучением истории литературы и искусства. Его переписка тех лет, конспекты лекций, прочитанных слушателям каприйской школы, опубликованная в 1909 г. статья «Разрушение личности» красноречиво подтверждают это. Кстати, в статье сделан обширный экскурс в древнюю историю, чтобы противопоставить цельность материалистического мировоззрения древних людей путанице идеалистических и мистических учений.

Впоследствии Горький весьма часто повторял эти свои мысли об искусстве древних людей, но поэзию древнего человека он уже называл не религией, а эпосом и мифом. Опровергая в статье «Об искусстве» утверждения буржуазных ученых о «трагизме бытия» первобытного человека, Горький говорит: «Древние сказки и мифы не отражают страха человека пред природой, а — наоборот, они говорят о победах над нею, о волшебной силе слова, способной преодолевать злые сопротивления вещества и явлений природы трудовым намерениям, процессам... Трагизм и ужас социального бытия явился тогда, когда люди раскололись на господ и рабов, — этот же момент был моментом возникновения религии» (27, 443).

Сообщение Коцюбинского поразило Горького, как подтверждение его мыслей и раздумий над художественным творчеством народных масс в древние времена и в сегодняшние дни. Не случайно впоследствии Горький похвально отзывался о поездках Коцюбинского на Гуцульщину и о созданной на основе гуцульского фольклора повести; в письме к поэту И. Ю. Кулику он писал: «М. М. работал на Капри мало, но очень много рассказывал о своих планах. Помню, что некото-

⁶ У Горького ошибочно сказано: «В июне 1911 г.» В действительности, как пишет в этом же письме Коцюбинский, июнь он провел в Симеизе.

рое время его весьма волновала повесть из жизни гуцулов, которую он впоследствии дал как отличный очерк «Тени забытых предков»⁷.

Горький отмечает, что, как истинный патриот, Коцюбинский прошлое и настоящее своего народа представлял как историю героических подвигов в борьбе за свободу. В этом же письме читаем: «Мечтал он написать повесть о Довбуше, брал у меня «литературно-научные» львовские сборники, мечтал дать рассказ о Кармелюке, и я думаю, что не ошибусь, сказав, что он настраивался на героический лад...»⁸

Переписка Горького с Коцюбинским свидетельствует, что оба они активно боролись против националистических извращений в литературе. Так, высказывая в письме к Горькому свое недовольство первой книгой журнала «Заветы», который не стал массовым демократическим органом всех национальных литератур России, каким пытался сделать его Горький, Коцюбинский замечает, что «широта взглядов, благородное отношение к людям, к какой бы национальности они ни принадлежали, удел не многих...»⁹ В ответ Горький в письме от 5 июня 1912 г. писал: «Заветы» весьма огорчили меня, и я с ними больше не танцую... Эх, «русичи, солдцы дети», неуклюжий народ» (29, 240—241).

Аналогичная переписка возникла между писателями и по поводу журнала «Современник»; сообщая Коцюбинскому свое желание «дать в этом журнале возможную свободу идеям федерализма и широкой областной самостоятельности», Горький далее пишет: «Вы знаете мои взгляды по этому поводу»¹⁰ — и тут же заказывает для журнала статью «Культурные запросы Украины» и очерк об украинской литературе (29, 253). В ответном письме Коцюбинский пишет: «Ваше письмо порадовало меня: как бы хорошо было, если бы Вам удалось осуществить свою программу в «Современнике»! Это было бы то новое и значительное, к чему сейчас готовятся теперь многими. Я, конечно, всей душой сочувствую и готов помочь. Сегодня же списываюсь кое с кем относительно нужного Вам материала»¹¹.

В единодушных мероприятиях Горького и Коцюбинского по содействию развитию национальных литератур народов России (эти работы Горький определял как «духовное собрание Руси»), нет и тени каких-либо националистических уклонов. Именно это и вызвало такую сердечную оценку Горьким любви Коцюбинского к Украине. Отсюда же возникло и решительное осуждение Коцюбинским клеветнического письма В. Винниченко в националистической «Раде», где Горький обвинялся в великодержавном шовинизме, в желании печатать украинских писателей. Как известно, письмо это было вызвано тем, что Горький выступил против печатания романа Винниченко «На весах жизни» и пьесы «Базар», в которых были оклеветаны революция и революционеры.

⁷ Сб. «О. М. Горький і М. М. Коцюбинський», К., 1937, стр. 44.

⁸ Там же.

⁹ Михайло Коцюбинський. Том III, К., 1949, стр. 223.

¹⁰ Через два месяца, в письме к грузинскому поэту Н. В. Канделаки Горький определил эти свои взгляды, как «необходимость союза, основанного на уважении к их (народам России. — Н. М.) законным требованиям свободы самоопределения. Силен только союз свободных» (29, 286).

¹¹ Михайло Коцюбинський. Том III, К., 1949, стр. 226. Кстати, в архиве Горького сохранился его набросок программы по реорганизации журнала «Современник». Он уделяет здесь большое внимание национальному вопросу, считает нужным отразить в журнале подъем самосознания народов России, освещать их культурную жизнь, давать обзоры литератур, резко выступает против черносотенного централизма, порождающего узкий местный национализм, за широкое освещение «движения интернациональной научной мысли», ибо «мир стоит накануне грандиозных открытий». (Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 2, М., 1958, стр. 295).

Глубокая общечеловеческая сущность пламенного патриотизма Коцюбинского обобщена Горьким в концовке произведения: «Беднеет наше время хорошими людьми, — насладимся грустью воспоминаний о них, о красоте этих светлых душ, любивших беззаветно людей и весь мир, о сильных людях, которые умели работать для счастья родины своей» (14, 108).

Глубоким уважением к украинскому народу и к великому его певцу исполнены отзывы Горького на смерть своего друга: «Большого человека потеряла Украина, — долго и хорошо будет она помнить его добрую работу», — телеграфировал Алексей Максимович жене писателя Вере Иустиновне (29, 300).

«Смертен человек, народ бессмертен. Глубокий мой поклон народу Украины», — писал Горький черниговскому другу Коцюбинского И. Л. Шрагу (29, 300).

4

И, наконец, третья тема литературного портрета М. Коцюбинского — это героический подвиг писателя. Она разрешена в нескольких этюдах и фразе-синтезе.

Сперва — этюд об орхидее. Обладая глубокими знаниями в области ботаники, Коцюбинский обращался с цветами, как поэт. Горький так передает его мысли: «Смотрите, вот орхидея приняла форму пчелы: этим она желает сказать, что не нуждается в посещении насекомых. Сколько разума всюду, сколько красоты!» (15, 104). И вслед за этой эмоциональной сценой — слова о большой любви большого писателя к миру природы: «Его большое сердце мешало ему ходить по неровным тропинкам Капри, по камням, горячо нагретым солнцем, в жарком воздухе, густо насыщенном запахами цветов, но он не щадил себя, гулял много, часто — до утомления.

И когда, бывало, скажешь ему: «Зачем вы позволяете себе устать?» — он отвечал, легко побеждая советы благоразумия:

— Хочется видеть как можно больше: мне ведь недолго жить на земле, а я ее — люблю...» (14, 104).

Горький развивает тему неистовой, беспощадной к себе, действительной любви писателя к прекрасному. Сперва — строки из письма Коцюбинского: «Чувствую себя неважно, мне только хорошо на Капри. Впечатления от каприйской природы так гармоничны и так благотворно действуют на мою психику, что положительно оздоравливают меня». А ведь «тепличный воздух острова не был полезен ему», — пишет дальше Горький.

Эту же мысль, что Коцюбинский в своем стремлении к красоте жизни не щадил своего здоровья, Горький затем развивает, ссылаясь на его письмо после посещения гуцульской Криворивни: «Не утерпел я, взбирался на горы, и, конечно, повредил своему здоровью, но было необычайно красиво, а это — главное» (14, 105).

Катастрофическому разрушению здоровья писателя способствовало и постоянное его недовольство своим творчеством, самоуничтожающая критика сделанного. «Мои рассказы всегда кажутся мне бледными, неинтересными, ненужными, и даже как-то совестно перед литературой и читателем», — писал он в 1910 году.

Эти мысли, казалось мне, всегда были с ним и неотступно точили его измученное сердце» (14, 106).

«Спрашивает:

— Вам нравится «Самотний»?

— Это лучшее из трех ваших стихотворений в прозе, а они все, на мой взгляд, очень хороши...

Он грустно улыбается:

— А я прочитал сегодня утром, и стало неловко. Никому это не нужно, не интересно никому. Что за вой? Все люди одиноки. И не так нужно писать об этом проклятии нашем!

Потом продолжал уже сердито:

— Да там еще в конце гордый крик есть, — это уж и не искренно, а так сказано — для самоутешения. Чем тут гордиться? Одинок, значит, — не нужен никому.

Мы часто беседовали на эту тему, и всегда он жестоко казнил себя» (14, 106).

Муки творчества испытывает писатель, глубоко постигший огромную ответственность своей работы перед народом. Этот момент неоднократно подчеркивает Горький, как отличительную черту характера Коцюбинского. «Дорогой мой, — сказал он однажды ночью, когда море и остров молчат так странно, точно в тихом изумлении ждут чего-то необычайного, — столько видано, столько пережито, в душе волнуется целый мир образов, мыслей, каких-то до слез простых и ласковых песен! Так бы дождем с неба и опрокинул все это на землю, на людей, а — не удастся, не умеется!» (14, 107).

Возможно, Горький здесь воспользовался первым этюдом Коцюбинского «Хмари» из цикла «З глибини», где писатель изобразил «душу поэта», которая трепещет «бажанням пісні... повна туги й невилпаканих сліз, вагітна всіма скорботами світа, темна од жалю до нещасної землі... Неспокійна, вся насичена вогнем, вся палаюча великим і праведним гнівом. Мчитьсь шалено по небу і підганяє ліниву землю золотю різкою...» Эти этюды Коцюбинского Горький хорошо знал и высоко ценил, называя их «стихотворениями в прозе».

Глубоко понимая и полностью разделяя творческие муки своего друга, Горький показывает, что надвигающуюся свою смерть писатель расценивал бесстрашно и беззлобно, как развивающуюся жизнь. «Смерть необходимо победить, и она будет побеждена! — сказал он однажды. — Я верю в победу разума и воли человека над смертью, так же как в то, что сам — скоро умру. И еще умрут миллионы людей, а все-таки, со временем, смерть станет простым актом нашей воли, — мы будем отходить в небытие так же сознательно, как отходим ко сну. Смерть будет побеждена тогда, когда большинство людей ясно осознают цену жизни, поймут ее красоту, почувствуют наслаждение работать и жить».

Человек высокой духовной культуры, солидно вооруженный знанием естественных наук, он внимательно следил за всем, что творится в области борьбы со смертью, но и поэзия умирания, поэзия непрерывной смены формы тонко чувствовалась им» (14, 108).

В художественном видении Горького образ Коцюбинского сливался с величественным образом писателя России, о котором он тогда писал в статьях «Разрушение личности», «О современности», письмах, говорил в лекциях слушателям каприйской школы, противопоставляя его обнищанию современной литературы. Передовые русские писатели — это, по словам Горького, «умы великой красоты и силы, сердца святой чистоты — умы и сердца истинных художников». Они создали храм русской литературы, где «чаще и сильнее, чем в других, возгласилось общечеловеческое, — значение русской литературы признано миром, изумленным ее красотой и силою», ибо «никто в Европе не создавал столь крупных, всем миром признанных книг, никто не творил столь дивных красот при таких неопишимо тяжких условиях» (24, 64—65).

Создавая литературный портрет Коцюбинского, Горький со всей страстью боролся против литературной реакции, за восстановле-

ние славы великой русской литературы. Именно это и определило особый, своеобразный отбор известных ему фактов из жизни и творчества украинского писателя. Не случайно, закончив это свое произведение, которое он писал по заказу «Літературно-наукового вісника», Горький сразу же посылает его и для русских читателей в журнал «Вестник Европы», а в письме редактору журнала Д. Н. Овсяннику-Куликовскому пишет: «Посылаю несколько страниц моих воспоминаний о М. М. Коцюбинском, человеке, любимом мною.

Воспоминания эти предназначены для «Л.-Н. вісника» и будут напечатаны по-украински. Но, может быть, это не помешает Вам поместить их и в «Вестнике Европы», ибо наша публика знает рассказы Коцюбинского и, вероятно, ей не безинтересно будет узнать кое-что о личности автора» (29, 307—308).

Анализируя художественное мастерство Горького в работе над литературным портретом М. Коцюбинского, мы одновременно коснулись и близости художественного видения мира писателями, их идейно-эстетических устремлений. Близко зная украинского писателя и все его творчество, Горький в своем литературном портрете не ставил себе целью дать всесторонний, объективно точный очерк его жизни и творческой деятельности. Из большого количества известных ему фактов он тщательно отобрал лишь немногие, наиболее близкие ему, показав через них самые злободневные и острые моменты современности. Именно поэтому созданный им образ Коцюбинского предстал патетической, одухотворенной песней великим деяниям кристально честного писателя, самоотверженного борца, одержимого великой любовью к людям. В результате созданный им образ явился могучим оружием в борьбе с литературной реакцией.

В этом образе Горький воплотил свой идеал передового писателя дореволюционной многонациональной России. К этому идеалу стремился и сам автор.

*Отдел украинской литературы Института общественных наук
Львовского университета*
